

Н. П. Жилина

КНЯЗЬ МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ В ДУМЕ РЫЛЕЕВА И В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПУТЬ К СВЯТОСТИ

Поступила в редакцию 15.03.2021 г.

Рецензия от 10.04.2021 г.

88

Известное произведение поэта рассматривается в аксиологическом ключе с привлечением историографических источников, что позволяет по-новому интерпретировать его идейную структуру. Исследование художественной системы дает возможность увидеть, что сюжет думы в целом ряде важных деталей отступает от исторического источника, а на первый план выдвигаются оппозиции свобода — плен и жизнь — честь, в которых реализуется антитеза истинных и ложных ценностей. Анализ образа центрального персонажа показывает, что его идеализация полностью соответствует задаче, поставленной поэтом: изобразить истинного героя, руководимого в своих действиях евангельскими идеями и готового пожертвовать жизнью ради Отечества.

The author analyzes a well-known work by Ryleev in axiological aspect using historiographical sources and presents a new interpretation of its ideological structure. The article reveals a number of important details that differ the duma's plot from the original historical source. Focusing on the antithesis between true and false values the research examines the oppositions freedom — captivity and life — honour. A careful examination of the protagonist's image shows that his idealization was meant by the poet: the character is depicted as a real hero led by the Biblical values and willing to sacrifice his life for the sake of his motherland.

Ключевые слова: Рылеев, думы, князь Михаил Тверской, мученик, житие, сюжет, конфликт

Keywords: Ryleev, duma, prince Mikhail of Tver, martyr, life of a saint, plot, conflict

Творчество поэтов-декабристов, оказавшее значительное влияние на отечественное литературное развитие, в различные периоды нашей истории по известным причинам не могло быть изучено во всех аспектах. Это в полной мере относится и к наследию К. Ф. Рылеева: после гибели поэта первые работы о нем появились в России лишь в начале XX в. [17; 25]. Октябрь 1917 г. резко изменил отношение к Рылееву, интерес к его произведениям возрос, но основной акцент ставился на их революционном содержании. После Великой Отечественной войны внимание к творчеству поэта усилилось: наряду с трудами, освещающими прежде всего его общественную и революционную деятельность [26; 27], появились и глубокие исследования его поэтического наследия [34].

В 1960–1980-е гг. творчество Рылеева стало изучаться многосторонне: в центре внимания ученых теперь оказались проблемы жанровой специфики, художественного метода, особенностей стиля. В этот период серьезный вклад в отечественное рылееведение внесли, как известно, труды Г. А. Гуковского [10] А. В. Архиповой [2–5], В. Г. Базанова [4; 6], В. Н. Касаткиной [16], Л. Г. Фризмана [32], В. Я. Левкович [20], Ю. В. Манна [24], Е. М. Пульхритудовой [29], В. Э. Вацуру [8], А. Е. Ходорова [33] и др.

С конца XX в. интерес к наследию Рылеева уменьшился: за последние два десятилетия появилось лишь несколько значительных работ, посвященных его творчеству. Среди них можно назвать кандидатскую диссертацию О. И. Толстоуса «Поэтический мир К. Ф. Рылеева» [31], где содержится подробный анализ тематики и стихосложения и дан новый взгляд на эстетическую позицию поэта. Серьезным исследованием является также докторская диссертация А. Г. Готовцевой «Публицистика К. Ф. Рылеева в историко-политическом контексте 1820-х гг.» [9], в которой художественное творчество Рылеева рассмотрено в различных контекстах: биографическом, историко-политическом и литературном. Особый интерес вызывают работы Т. А. Ложковой, в которых глубоко и системно раскрываются новые аспекты поэтики Рылеева [21–23]. Несмотря на значительное количество работ, опубликованных в разные периоды, следует признать, что за пределами внимания ученых до последнего времени почти полностью оставался религиозный аспект исследования – этот пробел и должна отчасти восполнить данная статья, являющаяся своеобразным продолжением двух других, опубликованных ранее [11; 12].

Новый лиро-эпический жанр, введенный К. Ф. Рылеевым в литературу и определенный им самим как «думы», в его творческом наследии занимает важное место. Каждое произведение в этом цикле посвящено описанию подвига одного из великих деятелей отечественной истории, что должно было способствовать, по мысли поэта и его единомышленников, развитию гражданских добродетелей у юных читателей.

Судьба Михаила Ярославича Тверского (1271–1318), первым удостоившегося титула «великого князя всея Руси» [7, с. 34], принявшего смерть в татарском плену и впоследствии канонизированного, издавна привлекала пристальное внимание ученых и писателей. История его жизни, взаимоотношения с татарскими ханами, борьба с Георгием (Юрием) Московским за великокняжеский престол и трагическая гибель в Золотой Орде послужили основой «Жития Михаила Ярославича Тверского», которое с некоторыми изменениями включалось в различные летописные своды XV–XVI вв., а также в самостоятельные сборники XVI–XVII вв. [14]. Это произведение, о котором В. О. Ключевский сказал, что «по содержанию и основной мысли это сказание не житие в настоящем смысле слова, а повесть об убиении кн. Михаила в Орде» [18], стало источником для таких известных историков, как В. Н. Татищев (1686–1750) и М. М. Щербатов (1733–1790). Судьба тверского князя была также отражена в «Истории государства Российского» Н. М. Ка-

рамзина [15], а позднее в книге В. О. Ключевского «Жития святых как исторический источник» [18]. В первой трети XIX в. личность Михаила Тверского и прежде всего его трагическая кончина в татарском плену вызвали интерес и у литераторов: кроме Рылеева ему посвятили свои произведения А. А. Бестужев-Марлинский (стихотворение «Михаил Тверской», 1824) и А. Н. Муравьев (неоконченная трагедия «Михаил Тверской», 1829).

Сюжет думы «Михаил Тверской» (1822) имеет в своей основе «летописные данные об убийстве князя Михаила Тверского в передаче Карамзина» [2, с. 432], а ее событийной основой стал один эпизод из биографии князя: опуская всю предысторию, автор сосредоточился лишь на последних часах жизни своего героя и его гибели. Этой же особенностью отличаются и другие посвященные ему литературные произведения: в стихотворении Марлинского описывается последняя ночь великого князя и утро его казни, а сохранившиеся фрагменты трагедии А. Н. Муравьева показывают, что все основные события должны были происходить в Орде. Нужно сказать, что именно этими эпизодами ограничиваются и летописные источники, повествуя о князе Михаиле Ярославиче [1, с. 5].

Сюжетная организация рылеевского текста соответствует тем принципам, которые вошли в русскую литературу с поэмами Байрона и Пушкина: практически отсутствует вступление, действие сосредоточено вокруг главного героя, личность которого является основным объектом внимания автора [13, с. 43]. Как и другие произведения данного цикла, дума «Михаил Тверской» снабжена прозаической вводной частью с кратким изложением исторических событий — уже в этом лаконичном повествовании о соперничестве двух русских князей за великокняжеский престол отчетливо ощутимо авторское отношение к обоим. Отступая от карамзинского видения, Рылеев сосредоточивается на полярно противоположных чертах своих персонажей: Михаил предстает как «несчастный», «невинный», «князь-страдалец» [30, с. 129–132], в то время как Георгий изображен злобным, коварным и мстительным. Михаил разумен, кроток и смиренен, Георгий же в своей гордыне не знает границ и готов ради обретения власти на любые преступления. Не желая признавать установившуюся с древних времен традицию наследования русского престола, он предъявляет свои права на великое княжение, прибегнув к помощи врагов. Именно из-за его интриг тверской князь оказывается в татарском плену, ожидая своей участи.

Тема физического и духовного плена, ставшая после появления пушкинского «Кавказского пленника» (1821) в русской литературе одной из центральных, в произведении Рылеева заявляет о себе с самого начала. Но, в отличие от поэмы Пушкина, в думе полностью отсутствует мотив добровольного изгнания: пленение главного героя происходит в результате происков соперника. В полном соответствии с романтическими установками дается описание прекрасной экзотической природы Кавказа, которая резко контрастирует с положением героя,

вопреки его воле «влекомого» врагами Руси «в край чужой и незнакомый»: «Мчался Терек быстрым бегом / Меж нависших берегов; / Зрелись гор хребты под снегом / Из-за сизых облаков» [30, с. 130]. Внешний облик героя («Ветхим рубищем покрытый») и внутреннее состояние («С мрачной грустию в груди») [30, с. 130] также переданы в романтическом ключе. Однако тайная печаль Михаила имеет в своей основе не мучительные раздумья о несовершенстве всего окружающего, не разочарование и — как следствие — отчуждение его от мира (черта, более других характерная для романтического героя), а страдания, связанные с мыслями о покинутой не по своей воле родине, о народе, оставшемся без попечения.

Изображение верховного русского правителя, закованного в цепи и в нищенском одеянии посаженного на торговой площади, как показывает автор, вызывает сочувствие даже у простых татар: «Несчастливца обступили / Любопытные толпой: / “Это князь был! — говорили / И качали головой. / — Он обширными странами, / Как Узбек наш, обладал; / Он с отважными полками / Кавгадыя поражал!..”» [30, с. 130] Благородный и возвышенный образ великого князя, прославленного своей недавней победой над объединенными московско-татарскими войсками, резко контрастирует с тем положением, в котором он оказался в результате коварных действий собственного племянника.

Центральная сюжетная оппозиция *свобода — плен* воплощается в произведении парадоксальным образом: закованный в цепи, выставленный на позор неприятелю Михаил Тверской, как показывает автор, обладает удивительной внутренней свободой, которая позволяет ему достойно, храбро и мужественно встретить смерть. Эта оппозиция дополняется в поэме другой, не менее важной: *жизнь — честь*. Получив приказание хана Узбека явиться на суд, Михаил хорошо понимал, что его может ожидать расправа по навету Георгия и татарского воеводы Кавгадыя, которые не могли простить ему своего поражения, но все же отправился в Орду, не желая подвергать опасности свой народ. Находясь в плену и предчувствуя свою гибель, он, однако, отказался от побега, предложенного друзьями, опасаясь, что в таком случае лютая месть обрушится на его сограждан: «Смерть свою давно предвижу; / Для побега други есть, — / Но побегом не унижу / Незапятнанную честь! / Не хочу своим спасеньем / На родимый край привлечь / Кавгадыя с лютым мщеньем / И Узбека грозный меч!» [30, с. 131].

Важное место в художественной системе произведения занимает внутренний монолог Михаила Тверского, в котором герой подводит итоги своей жизни и мысленно обращается к сопернику. Не снимая с себя ответственности за «погибельный раздор», установившийся на Руси, сознавая и свой тяжкий грех в том, что русские «рабами стали / и пред ханом пали в прах» [30, с. 131], Михаил ставит московскому князю в вину нарушение извечного закона наследования по старшинству: «Ты на дядю поднял длани; / Ты в душе был столь жесток, / Что на Русь всю лютость брани / И татар толпы навлек!» [30, с. 131].

Созданный Рылеевым герой отличается отсутствием внутреннего разлада, его цельная натура не подвержена никаким негативным внешним воздействиям, честь его и в труднейших обстоятельствах остается незапятнанной, а совесть — чистой. Михаил Тверской предстает как идеал человека, душа которого не затронута никакими пороками и не повреждена страстями, это заботливый правитель, любящий свой народ и пекущийся о его благополучии. Подобная структура характера героя, применяемая Рылеевым и в других произведениях этого цикла, вполне соответствовала тем дидактическим установкам, которыми он руководствовался. Таким образом, художественный конфликт в произведении носит исключительно внешний характер: благородный и невинный великий князь противопоставляется злобному и коварному Георгию Московскому, объединившемуся с татарскими захватчиками, а нравственное величие Михаила еще ярче оттеняется низостью его племянника, который за время своего правления «по качествам черной души своей заслужил всеобщую ненависть» [15].

Между тем, как свидетельствуют исторические источники, биография тверского князя была наполнена событиями разного рода, а его поступки не всегда соответствовали высоким нравственным принципам. Карамзин, стремившийся сохранять в описании исторических событий объективную позицию, рассказывая о соперниках, отмечал «взаимную их злобу», которая усилилась, когда после вступления на великокняжеский престол Михаил «хотел оружием смирить Георгия и дважды приступал к Москве, однако ж без успеха» [15]. Московскому князю ставили в упрек, что он, прожив три года в Орде, «раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение» [30, с. 130], женился на его сестре и в результате был объявлен правителем Руси. Однако не следует забывать, что незадолго до этого и сам Михаил, «поехав в Орду, жил там целые два года» [15], стремясь войти в доверие к молодому хану Узбеку и оставив без попечения свои владения, что вызвало сильное недовольство в народе. В свое время Ключевский, рассматривая житие Михаила Ярославича, заметил, что «тверской князь выступает у автора величественной фигурой; на его стороне право и великодушие», «причем автор умалчивает, что и его герой водил из Орды окаянных татар на Русь, на погибель христианству» [18]. В качестве примера можно назвать событие 1316 г., когда для усмирения новгородцев, недовольных его политикой и постоянно бунтовавших, великий князь собрал отряд и с помощью татар нанес им страшное поражение под Торжком, а через несколько месяцев заставил заплатить большую сумму за отпуск на свободу захваченных пленников. Очевидно, что в борьбе за власть оба соперника прибегали к самым различным, далеко не всегда достойным и этически оправданным методам. В таком случае не может не вызывать удивления факт канонизации Михаила Тверского Русской православной церковью спустя 230 лет после его кончины.

Для разрешения этого вопроса необходимо обратиться к одному из главных понятий христианской философии — понятию *греха*. Согласно

библейской антропологии, Бог создал человека по Своему образу и подобию, духовно чистым и безгрешным, поврежденность же человеческого естества наступила лишь в результате нарушения Божьего повеления первыми людьми, поддавшимися соблазну стать «как боги» и проявившими невероятное своеволие (Быт. 3: 1–6). Это событие, получившее в богословии название первородного греха, определяет постоянную склонность ко греху человеческой природы, этим объясняется и известный богословский тезис о том, что *людей безгрешных не существует, безгрешен один только Бог*. Спасение же любого человека, даже полностью погрязшего в грехах, зависит от его стремления к искреннему раскаянию — именно поэтому одним из главных призывов Христа к людям является призыв к покаянию (Мф. 4: 17). Доказательством же возможности спасения даже самого закоренелого грешника служит судьба одного из разбойников, распятого вместе с Богочеловеком, в последние минуты своей жизни раскаявшегося и спасенного Иисусом: «И сказал ему Иисус: “Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю”» (Лк. 23: 32–43).

Действия, совершенные Михаилом Ярославичем перед его последней поездкой в Орду и отраженные в исторических источниках, заставляют предполагать глубокие перемены, произошедшие в его душе. Узнав о получении Георгием ханского ярлыка, Михаил был готов уступить великокняжеский престол ради прекращения вражды и отправил к племяннику послов с предложением о мире, но «ответом Князя Московского было опустошение Тверских сел и городов до самых берегов Волги» [15]. Такое поведение требовало ответных действий, и тверской князь, с одобрения своих бояр и благословения епископа, был вынужден дать бой, в котором московско-татарские войска были разбиты, а воевода Кавгадый, жена Георгия Даниловича и его брат взяты в плен тверичами. Именно об этом событии вспоминает с горечью рылеевский герой в своем монологе: «О Георгий! ты виною, / Ты один тому виною, / Если кровь сограждан мною / Пролита в стране родной!» [30, с. 131].

Отправляясь в Орду, Михаил Тверской не только сделал все распоряжения на случай своей кончины, но и «говорил последнюю исповедь на реке Нерли много часов, очищая душу свою» покаянием [14]. Больше всего отягощало его сердце сознание своей вины перед родиной: «Моих ради грехов множайшая тягота сотворяется разности» («Из-за тяжести многих моих грехов сотворяется (на Руси) рознь») [19, с. 263]. «Вверяя Духовнику свою тайную мысль», он сказал: «Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий: по крайней мере буду доволен, если хотя смерть моя успокоит его» [15]. «Великий Князь, имея чистую совесть и готовый всем жертвовать благу России» [15], отправился в Орду, руководимый евангельской мыслью «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13). Очищение своей души искренним и чистосердечным раскаянием дало ему силы со смирением переносить в плену пытки и унижения и с достоинством встретить смерть. Предчувствуя скорую гибель, рылеевский герой, укрепленный мыслями о своей правоте,

обращается за поддержкой к Богу, и ворвавшиеся в княжеский шатер убийцы находят его за чтением молитвы: «Пред иконою святою / Михаил псалом читал...» [30, с. 132].

Финал думы подводит итог в прославлении князя: «Михаила за мученья / Церковь празднует святым» [30, с. 132]. Невольно или намеренно Рылеев допускает неточность: поскольку Михаил Тверской не был принуждаем иноверцами к отказу от своей религии и был казнен не за исповедание христианства, он и канонизирован не как *мученик* за веру Христову, а в чине *благодарного*. В данном обозначении заключается «указание на социальный статус (князь), на характер власти (данная от Бога) и особый тип подвига, совершенного в миру, во время правления княжеством и государством» [1, с. 5]. По определению авторитетного источника, «благодарный — царь или князь, много способствовавший укреплению православной веры и причисленный Церковью к лику святых» [28, с. 160]. Однако ошибка Рылеева в этом вопросе не случайна: в летописных источниках подчеркивалась именно *мученическая* смерть князя, а в посвященных ему агиографических текстах хорошо заметно следование канонам житий-матриариев, главным образом жития первомученика в Орде князя Михаила Черниговского, отказавшегося поклониться языческим кумирам и в 1246 г. отдавшего жизнь за Христа.

Духовный подвиг Михаила Тверского, сумевшего преодолеть темные и низкие стороны своей натуры и пожертвовать жизнью ради Отечества, вызвал глубокий отклик в народных массах: почти сразу же после трагической гибели князя началось его почитание как местного святого, а через 230 лет (в 1549 г.) он был официально канонизирован Русской церковью. Михаил Ярославич вошел в тот же ряд русских святых, что и его родной дядя Александр Невский, а также великие князья Андрей Боголюбский, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и другие. А много позднее историческая роль и трагическая кончина тверского князя нашли свое признание в памятнике, посвященном тысячелетию России. Созданный Рылеевым высокий поэтический образ князя Михаила Тверского полностью соответствует задаче, поставленной поэтом: показать героя, отвечающего присвоенному ему Карамзиным определению «отечестволюбец» [15].

Список литературы

1. Андреева Е. А. Поэтика и жанровое своеобразие древнерусских произведений о Михаиле Ярославиче Тверском : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
2. Архипова А. В. Литературное дело декабристов. Л., 1987.
3. Архипова А. В. Религиозные мотивы в поэзии декабристов // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 185–208.
4. Архипова А. В., Базанов В. Г. Творческий путь Рылеева // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 5–52.
5. Архипова А. В., Ходоров А. Е. Примечания // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 393–464.
6. Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М. ; Л., 1961.

7. Боданов С. В. Об определении «всёя Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV вв. (по материалам актов XIV–XV вв.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. №4 (34). С. 30–49.
8. Вацуро В. Э. К изучению «Дум» Рылеева // Русская литература. 1975. №4. С. 101–107.
9. Готовцева А. Г. Публицистика К. Ф. Рылеева в историко-политическом контексте 1820-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
10. Гукровский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
11. Жилина Н. П. Идея спасения в поэме К. Ф. Рылеева «Владимир Святый» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, №3. С. 25–43.
12. Жилина Н. П., Синюк Е. Р. Образ княгини Ольги в думе Рылеева: агиографические ориентиры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. №3. С. 56–62.
13. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978.
14. Житие Михаила Ярославича Тверского // Древнерусская литература : [сайт]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zhitie-mihaila-tverskogo/zhitie-mihaila-tverskogo.htm> (дата обращения: 20.03.2021).
15. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М., 1989. Т. 1 / под ред. А. Н. Сахарова // Азбука веры : [интернет-библиотека]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 20.03.2021).
16. Касаткина В. Н. Поэзия гражданского подвига. М., 1987.
17. Котляревский Н. А. Рылеев. СПб., 1908.
18. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник // Азбука веры : [интернет-библиотека]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 20.03.2021).
19. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974.
20. Левкович В. Я. Поэзия декабристов // История русской литературы : в 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 150–178.
21. Ложкова Т. А. Байронический герой в поэмах Лермонтова и Рылеева: «Войнаровский» и «Измаил-бей» // Филологический класс. 2014. №3 (37). С. 30–35.
22. Ложкова Т. А. К вопросу о своеобразии конфликта в поэме К. Ф. Рылеева «Войнаровский» // Уральский филологический вестник. 2013. №1. С. 102–114.
23. Ложкова Т. А. Проблема субъектной организации «Дум» К. Ф. Рылеева // Известия Уральского государственного университета. 2004. №31. С. 206–217.
24. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.
25. Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912.
26. Нейман Б. В. К. Ф. Рылеев. М., 1946.
27. Пигарев К. В. Жизнь Рылеева. М., 1947.
28. Православие : словарь-справочник. М., 2007.
29. Пульхритудова Е. М. Романтическое и просветительское в декабристской литературе 20-х годов XIX века // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 39–72.
30. Рылеев К. Ф. Михаил Тверской // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 129–132.
31. Толстоус О. И. Поэтический мир К. Ф. Рылеева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2001.
32. Фришман Л. Г. «Думы» Рылеева // Рылеев К. Ф. Думы. М., 1975. С. 171–226.
33. Ходоров А. Е. Эволюция жанра в творчестве К. Ф. Рылеева (Дума – поэма) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
34. Цейтлин А. Г. Творчество Рылеева. М., 1955.

Об авторе

Наталья Павловна Жилина — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nzhilina@rambler.ru

The author

Prof. Natalia P. Zhilina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: nzhilina@rambler.ru